

АЛЕКСЕЙ
МАЛИНСКИЙ

Алые маки «Арваза»

ЮЖНАЯ ГРАНИЦА:
ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ
(1970-2000)

ПРЕДИСЛОВИЕ
АРТУРА ЧИЛИНГАРОВА

Алексей Павлович Малинский

Алые маки «Арваза». Южная граница: люди, события, факты (1970-2000 гг.)

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69266119
ISBN 978-5-00222-007-6

Аннотация

Пустыня Кара-Кумы и высокогорный Памир, стремительная река Пянжд и отроги Копетдага. Краснокнижные архары, дикие кабаны и поджидающие добычу кобра или шакал – привычный антураж для тех, кто нёс службу в Среднеазиатском пограничном округе. Службу будничную, полную тревог по команде «Застава, в ружье!», и боевую – как в том же пылающем войной Афганистане.

Оценку событий, фактов, боевых операций в этом беспокойном регионе уже дали многие генералы: с высот командных, оперативно-стратегических. Предлагаемый автором взгляд совершенно иной: снизу, с «дозорки» пограничной заставы, с окопа и тех рубежей, где непосредственно обеспечивалась надежная охрана и защита Государственной границы СССР.

Портрет поколения пограничников 1970-х – 2000-х получился колоритным, многослойным и отнюдь не парадным. Но в этом и есть его ценность, которую наверняка отметят читатели.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Охрана границы – занятие лишь для сильных духом, настоящих мужчин	6
Глава 1	10
Глава 2	31
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алексей Малинский
Алые маки «Арваза»
Южная граница:
люди, события,
факты (1970–2000 гг.)

© Малинский А. П., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

* * *

*Моим товарищам по совместной службе в
Краснознаменном Бахарденском погранотряде и
Среднеазиатском пограничном округе, живым и
ушедшим в Вечный дозор, посвящается.*

**Охрана границы – занятие
лишь для сильных духом,
настоящих мужчин**

Дорогие друзья!

Книгами о границе, защитниках государственных рубежей Родины наш читатель не избалован. Тем приятнее познакомиться с литературной новинкой на эту тему. Ведь сам автор – профессиональный пограничник, знает специфику службы изнутри, пишет обо всем правдиво, образно и от души.

Будучи полярником, на самом краю земли я не раз встречался с защитниками наших рубежей и всегда поражался их мужеству, самоотверженности, особому характеру и силе воли. Экстремальные условия, в которых им приходится каждодневно нести службу, – на заснеженных просторах Севера и знойного Юга, в таежных дебрях Дальнего Востока и у кромки морей и океанов – занятие лишь для сильных духом, настоящих мужчин. В этом я убеждался много раз.

Однажды вместе с главой ФСБ России Николаем Платоновичем Патрушевым мы совершили полет на вертолете на Северный полюс. А по пути следования воспользовались гостеприимством воинов в зеленых фуражках, вникли в специфику их службы, обсудили с руководством накопившиеся проблемы. Личные впечатления лишь укрепили нас в убеждении: безопасность рубежей Родины – задача приоритетная!

В течение ряда лет мне довелось возглавлять Межфрак-

ционную региональную депутатскую группу «Граница России». Проблемы границы, будни ее защитников всегда находились в центре внимания государства, депутатов Государственной Думы. И я горд тем, что нынешняя граница – это непреодолимый рубеж для наших недругов, крепкий стальной обруч, обеспечивающий целостность страны, безопасность ее граждан.

Уверен, романтика пограничной службы, самоотверженный труд стражей границ, отраженные в книге, доставят немало удовольствия как военному, так и гражданскому читателю.

A large, stylized handwritten signature in black ink, consisting of several overlapping, sweeping strokes that form a complex, abstract shape.

*Артур Чилингаров,
Герой Советского Союза,
Герой Российской Федерации,
Специальный представитель Президента России по
международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике*

*«Никто тебе не друг, никто тебе не враг,
но каждый человек тебе учитель».*

Сократ

Глава 1

Под крылом – Каракумы, держишься лейтенант!

– Хотите холодной минералки? – мило улыбаясь, спросила худенькая стюардесса с большими карими глазами, украшенными густыми, чуть загнутыми махровыми ресницами, и приблизила ко мне поднос с напитками.

Прядь ее выющихся каштановых волос нечаянно коснулась моих погон, и я уловил довольно редкий по тем временам запах французских духов Climat, стоимость которых в советские времена составляла добрую половину месячной зарплаты стюардессы. Это был какой-то особый, ненавязчивый, но глубокий и по-своему завораживающий запах дорогого парфюма, с доминирующими нотками мускуса, спелой груши и бергамота. Он проносился по салону всякий раз, когда эта очаровашка, с фирменным голубым платочком «Аэрофлота» вокруг шеи, неспешно курсировала по салону, собирая оценивающие ее безупречную фигуру мужские взгляды.

По правде говоря, в тот момент меня совсем не интересовали (ну, или почти не интересовали) внешние данные стюардессы или еще кого бы то ни было. И все же грешно не отметить: ее выбор невидимого благоухающего шлейфа точно

свидетельствовал об изысканном вкусе mademoiselle и, вне всякого сомнения, «пробивал броню» самой стойкой мужской части авиапассажиров. Аромат ее духов не кричал и не отталкивал, как весьма резкий и распространенный в офицерской среде одеколон «Шипр». Этот скорее намекал на женские чары, их красоту и пороки, побуждал к неприличным фантазиям, свойственным молодым, еще не обтесанным жизнью лейтенантам.

Заглянув в глаза стюардессы, я рассеянно улыбнулся ей в ответ и... невольно вспомнил спецкурс «honey trap», проще говоря, «медовой ловушки», сломавшей карьеру не одному десятку профессионалов-кагэбэшников, носителей секретной информации. Опытные преподаватели пограничного вуза тогда весьма скептически оценивали наш защитный потенциал: под натиском гормонов словесные увещевания и доводы были явно бессильны. И все же, добросовестно отбывая свой хлеб, они делились с нами секретами женской психологии, методами противостояния женским чарам, пониманию их основ, языка дамских жестов, соблазнительных взглядов, нечаянных прикосновений. Они буквально вдавливали в наши легкомысленные головы правила формирования зрелого, без разрушающих эмоциональных всплесков, выстраивания отношений с противоположным полом.

Несколько забегая вперед, могу свидетельствовать: знания «деликатного характера» подсознательно укоренились где-то в кладовых наших мозговых извилин. А гармония в

отношениях с прекрасным полом, которую нам предстояло выстраивать, действительно сыграла важную роль в предупреждении будущих семейных драм и бытовых конфликтов. Особенно среди тех, кто выбрал для себя романтику «медвежьих углов», тревожных ночей, вынужденное общение урывками с самыми близкими и родными тебе людьми ради призрачной и никем не гарантированной успешной карьеры.

– Угощайся, лейтенант, – добродушно поддакнул эффектной «принцессе неба» мой сосед по креслу, капитан-армеец, потертые погоны которого и легкая седина на висках придавали убедительность его словам. – Еще немного, и ты будешь вспоминать этот стаканчик с живительной влагой как самое желанное в окружающем тебя зное. Уж поверь, я знаю, о чем говорю.

Равнодушно отхлебнув искрящейся пузырьками воды, я бросил рассеянный взгляд в иллюминатор. Под размеренный гул реактивных двигателей ТУ–154 внизу проплывали Каракумы: почти безжизненные волнообразные пески, с редкими вкраплениями светло-серого кустарника ковыля, перекати-поля и верблюжьей колючки. Лишь редкие кошары с парой-тройкой стреноженных двугорбых верблюдов и погонщиками у дымящегося костерка привлекали внимание. И то лишь на миг, пока крыло самолета не стирало белоснежным ластиком и эту унылую, ничем не примечательную картинку.

Тяжело вздохнув, я прикрыл глаза и усилием воли попытался навсегда похоронить в подсознании случай, который надоедливо, раз за разом, всплывал в моей памяти и над которым в последующем безудержно ржала вся наша 10-я учебная группа. Надо же было мне, наивному тупице, развесить уши и так досадно проколоться!

В коротком изложении это выглядело так.

Чем ближе день выпуска из Голицынского пограничного училища, тем чаще каждый из нас, курсантов-переростков, мысленно обращался к тем местам, где предстояло служить в новом, уже офицерском статусе. Слепо уверовав обещаниям замполита курса майора Осипенко, не раз публично заявлявшего: «Товарищи курсанты! Все зависит от вас. Красный диплом – ваш пропуск к желаемому месту службы после выпуска!», я полагал, что Тихоокеанский пограничный округ, с его морями-океанами, романтикой окраинных мест и славной историей вскоре заключит меня в свои объятия!

Мы – курсанты-выпускники. И нам все – нипочем!

К этой встрече я готовился основательно, с большим эмоциональным подъемом. Черпал в училищной библиотеке информацию о дальневосточном крае, засыпал вопросами служивших в тех местах преподавателей и курсовых офицеров, старался упаковать в кладовых памяти любую полезную для будущей службы мелочь. А еще при первой возможности спешил заглянуть в магазин военторга, чтобы встретиться взглядом с шапочно знакомой мне Еленой Андреевной, ведавшей, по слухам, дефицитными товарами. Мой заказ на вожделенную тельняшку, с частыми напоминаниями о себе, ее заметно раздражал, но ответить прямым отказом она,

как женщина сердобольная (у самой сын курсант-второкурсник), не решалась. Вероятно, жалела. И меня, и всех нас, худощавых, неугомонных, чудаковатых курсантов со стипендией в тринадцать с копейками рублей, включающих компенсацию за табак. «Нищоброды! А туда же, к дефициту руки тянут», – возмущалась в кругу близких подруг хозяйка военторга, продолжая, тем не менее, кормить нас обещаниями.

«В Тихоокеанский пограничный округ распределяюсь, – доверительно шептал я в очередной раз училищной благотельнице, клянча заветную тельняшку. – Ну как без нее на морском участке границы?!»

С горем пополам, через каких-то знакомых, бело-голубая тельняшка ивановского пошива все же досталась мне и была тщательно припрятана на дне простенького, местами потертого, курсантского чемодана. Дело оставалось за малым – получить предписание и...

Тут-то и случилась со мною первая крупная жизненная неурядица. Тщательно скрываемая до самого предпоследнего дня перед выпуском информация о местах будущей службы наконец-то сбросила завесу секретности. Быстро расписавшись в «амбарных книгах» и получив пачку продовольственных, вещевых и прочих аттестатов, вскоре я выскользнул за порог небольшого кабинета отдела кадров. Протиснувшись через толпу таких же, как и я, выпускников и найдя укромный уголок, не без волнения развернул сложенный

вдвое лист предписания. Фирменный бланк с «шапкой» – Комитет государственной безопасности СССР. Отпечатанный на машинке короткий текст. Синяя гербовая печать. Солидно!

Прочитал и... обомлел! После планового отпуска мне предписывалось убыть в распоряжение командования Краснознаменного Среднеазиатского пограничного округа. Сокращенно – КСАПО.

В расстроенных чувствах, никого не замечая вокруг, я устремился в сторону расположения курса и неожиданно уткнулся в крепкий, заметно выпирающий живот нашего замполита.

– Ты чего такой потерянный? – бросил он мне как ни в чем не бывало.

Я протянул ему листок предписания:

– Вы же говорили, что красный диплом – пропуск к желаемому месту службы. Говорили?

– Говорил, и что?

– Красный диплом у меня есть, а вот предписания в Тихоокеанский пограничный округ нет! – выпалил я, едва сдерживая вспышку нахлынувших эмоций.

Майор все понял. В другой раз, возможно, он и поступил бы иначе, помягче. В данный же момент включил начальственный тон и строго произнес:

– Не мы выбираем службу, а служба выбирает нас. И ты, дружок, поедешь служить туда, где крик ишака тебе соловьи-

ной трелью покажется! Понял? – И зашагал прочь, поскрипывая новенькими хромовыми сапогами.

Всеобщий смех и дружеское похлопывание по плечу моих однокашников, с которыми я поделился своей «трагедией», стало для меня еще одним холодным душем и горькой пилюлей. И ведь ничего не поделаешь! Пришлось проглотить это со словами... благодарности. А иначе – никак! «Жизненный опыт сладким не бывает, – попытался утешить меня наш курсовой офицер Виктор Иванович Камаев. – Не всякому начальственному слову нужно верить. И не потому, что начальство плохое, а потому что над ним еще и других вершителей судеб хватает!»

Не знаю, у кого как, но из меня свойственная молодости наивность и доверчивость выветривались крайне медленно. Несмотря ни на что я старался доверять людям, ведь этому меня долгих четыре года учили в пограничном училище. Разговоры о дружбе, взаимопомощи, высоких морально-нравственных качествах были нескончаемы и довольно убедительны. Жаль, что в ходе таких разговоров никогда не рассматривалась обратная сторона медали. Я не припомню, чтобы преподаватели затрагивали тему человеческих пороков – вранья, эгоизма, лицемерия, других низменных качеств. Как будто их и не существовало вовсе. Пробелы по этой части знаний были слабым местом для многих из нас. Даже тех однокашников, кто тогда откровенно посмеивался надо мной.

Встряхнувшись от этих воспоминаний и бросив короткий взгляд в иллюминатор, я мысленно перескочил на другую тему.

Резкая смена климатического антуража после утопающей в зелени и приятной во всех отношениях Украины, где в кругу родных и друзей я провел свой первый офицерский отпуск, вгоняла меня в некоторый психологический ступор. Новое, к тому же первое место предстоящей офицерской службы обдавало холодком неизвестности, откуда, видимо, и проистекали мои неуверенность и тревожность. Эти назойливые ощущения не сглаживали ни мои новенькие лейтенантские погоны, коими я незаметно для окружающих любовался, ни привилегированный статус уже ожидающей меня ответственной должности – заместителя начальника пограничной заставы по политической части.

Застава. В этом коротком, придуманном нашими далекими предками слове действительно скрывалось что-то загадочное, окраинное, преисполненное суровости и неизвестности. Как «засечная черта», деревянный идол или сложенная пирамидой замшелая груда камней. Установленные на продуваемых колючими, злобно завывающими ветрами бескрайних просторах, они являли собой молчаливое напоминание: земля не ничейная, чужим здесь не место.

Прошло время, и идол, как и «засечная черта», канули в Лету. Где-то на их месте появились приземистые, умело замаскированные посреди равнин, песчаных барханов, горных

ущелей или зарослей тайги пограничные заставы. Их антураж не спутаешь ни с одним другим: наблюдательная вышка с неизменным часовым, спортгородок, конюшня, баня, навевающий тоску строевой плац, опорный пункт... Разработчики типового проекта, с точки зрения уюта или особого благоустройства, похоже, не заморачивались. Главное – безопасность, защита от возможного нападения. Суровый быт вполне гармонировал с суровыми условиями службы. Здесь все для крепких духом и телом, ответственных парней, живущих единственной целью – службой. Государевой, государственной – это как кому больше нравится.

Подполковник А. И. Емельяновский с курсантами на за-

Под размеренный, убаюкивающий гул самолета, хочешь не хочешь, а невольно переносишься мыслями в те области, которые волнуют тебя больше всего. Вот и я, как желторотый неофит, в который раз улетаю мысленно в недавно покинутую альма-матер.

– Предупреждаю, обольщаться не надо! Настроишься на худшее, возрадуешься лучшему! – поучал нас, выпускников, в училищной курилке один из гуру пограничной службы – подполковник Александр Иванович Емельяновский, чей опыт и авторитет среди курсантов Голицынского пограничного училища КГБ СССР были непререкаемы.

– Попадешь, к примеру, служить на «пляжную» заставу в Серахсе или Тахта-Базаре, пиши пропало: вокруг – безжизненные пески, тысячу раз взболтанная комендатурской водовозкой привозная теплая жидкость, призванная утолять жажду всех страждущих. Скучные блюда на базе опостылевшей тушенки, а из развлечений – разве что кобра с зашитым ртом, которая все еще норовит встать в угрожающую стойку и сделать бросок в сторону протягивающих руки вяло гоголющих солдат-первогодок.

Но случается и удача. Это когда застава укоренилась в одном из ущелий горной гряды Копет-Дага. Скажем, на участке Каахкинского, Бахарденского или Кара-Калинского пограничных отрядов. Здесь она обросла огромными чинара-

ми, тополями и кустарниками, а кое-где и ветвистыми грецкими орехами.

Памир – не в счет, там своя высокогорная «музыка» повседневной жизни и службы, с собственной неповторимой экзотикой.

– В чем же тут экзотика? – вторгается в разговор старшина курса Володя Киселев, чей опыт пограничной службы в качестве срочника всего на год с небольшим перекрывает наш, курсантский.

– Экзотика в том, что спускаешься с гор, где ты летом с комфортом спишь под одеялом, и попадаешь в царство огромной пустыни, занимающей примерно девяносто процентов территории Туркменистана. Ранней весной она еще благоухает, великодушно радуется зеленым соцветием верблюжьей колючки, ярко-красных тюльпанов и маков, но уже с середины мая накрывает округу пеклом всепроникающей жары. Днем она набирает силу под белым – действительно белым по восприятию! – солнцем пустыни и примерно до четырех утра отдает этот жар всему окружающему. В таких условиях элементарно выспаться невозможно, даже завернувшись в мокрую простынь.

Поутру голова от усталости мало что соображает, а ведь решения повседневных задач, требующих максимальной сосредоточенности, никто не отменял. В этом случае спасает лишь крепкий зеленый чай, без которого аборигены и опытные офицеры-азиаты своей жизни просто не представляют.

Пробовали, нет? Эх вы, салажата!

Аппетитно попыхивая сигаретой «Опал», подполковник Емельяновский делает небольшую паузу и, неожиданно улыбнувшись, добавляет:

– В нашей службе – экзотика на каждом шагу. К примеру, лето не лето, жара не жара, а каждую пятницу, ближе к вечеру, товарищи офицеры и прапорщики управления отряда весь вечер проводят в бане. В раскаленной парной, до умопомрачения истязая себя вениками из арчи или привозными из отпусков – березовыми, дубовыми, эвкалиптовыми. Это называется вышибать «клин клином».

– Баня в пустыне – да вы шутите, товарищ подполковник? – недоверчиво восклицает курсант Василий Быченков, чей опыт срочной службы был ограничен пределами западной границы и разглядыванием в бинокль расположившегося неподалеку от заставы уютного польского городка с симпатичными «коханками». Реплику сослуживца курсанты пропускают мимо ушей, вслушиваясь в каждое слово опытного преподавателя.

– Так вот, – глубокомысленно продолжал Емельяновский, – тому, кто попадет на горную заставу, считай, повезло. Здесь по местным меркам – курорт: буйство зелени, родники с хрустально-чистой ледяной водой, мимо которых не пройдет ни одна заставская лошадь на выпасе, нетронутая природа и краснокнижная живность. Благодать!

Ну, а наступит зима, она тоже как подарок судьбы. Всю

округу заметает снегом под два метра высотой, и участок становится фактически непроходимым: ни для нарушителей границы, ни для внезапных проверок отрядного начальства. Что тоже, согласитесь, приятный бонус!

Помню, лейтенант Леонид Гурбо с «Арваза» – а это как раз участок Бахарденского пограничного отряда – попытался на спор, на излете декабря, преодолеть весь маршрут в конном строю до самого стыка с соседней пограничной заставой Ореховая. Куда там! Лошади по грудь проваливались в снег, хрипели, гарцевали, то и дело норовили встать в «свечку», но дальше по дозорке никак продвинуться не могли. Словом, пришлось даже этому упорному в достижении цели офицеру и отличному кавалеристу от своей затеи отказаться. В конце концов, лучше, проиграв спор, расстаться с бутылкой отменного армянского коньяка, чем пытаться доказать недоказуемое.

– Но как же в таких условиях нести службу? – поинтересовался курсант Виктор Никаноров, всегда щепетильный в вопросах организации службы, старающийся детально разобраться во всех ее тонкостях.

– Так в том-то и дело, что службу никто не отменял! – назидательно воскликнул подполковник. – Есть лыжи, маскхалат, приборы наблюдения. Нетронутый снежный покров – лучше всякой сигнальной системы. В ясную солнечную погоду – видимость на сотни метров превосходная. Тут главное – тщательное планирование и организация службы, включая

охрану самой заставы!

А знаете, чем печально знаменита упомянутая мною пограничная застава «Арваз»? Точнее, еще та, старая застава, которая раньше дислоцировалась в этом высокогорном районе? В 30-е годы, в самый разгар борьбы с басмачеством, с территории сопредельного Ирана была осуществлена дерзкая вылазка против пограничников, жестко пресекавших здесь деятельность вражеской агентуры, контрабандистов, эмиссаров английской разведки, вьющих подрывные гнезда из состава «идейных противников советской власти», и прочих нарушителей государственной границы.

Месть была холодной и по-изуверски тщательно продуманной. А предшествовала ей, скорее всего, утечка информации. Ввиду продолжительных снежных метелей, плотно накрывших горную гряду в районе «Арваза», пересменка личного состава затянулась. Выслужившие установленный срок бойцы убыли в запас, молодежь же ждала «климатическое окно». Этим обстоятельством и воспользовался расположившийся неподалеку за кордоном басмаческий отряд.

Малочисленный состав заставы стал своего рода приманкой для отморозков из банды Джунаид-хана. В предрассветный час, когда большинство погранрядов уже вернулись со службы и бойцы спокойно отдыхали, восполняя силы безмятежным сном, на заставу незаметно проникла небольшая группа боевиков. «Сняли» часового. Полоснули ножом по горлу нечаянно задремавшего у горячей печки дежурного по

заставе. Проникли в казарму, в спальное помещение. Орудовали только ножами. Жестоко и беспощадно. Ясно, что крепко спящие солдаты были легкой добычей, а последствия – ужасными!

Операция «Возмездие», к разработке и осуществлению которой тогда привлекли офицеров разведотдела не только отряда, но и пограничного округа, резерв отряда, не заставила себя долго ждать. Установили каждого нападавшего басмача пофамильно. И по зубам дали крепко! Даже тем, кто спокойно отлеживался в близлежащем ауле на сопредельной территории.

Это ЧП прогремело тогда на весь округ. Шифровками и политдонесениями о случившемся проинформировали каждого солдата, сверхсрочника и офицера. Волной воспитательных мероприятий и тренировок учебных тревог накрыли все без исключения пограничные заставы, подразделения и погранпосты. Цель – больше никогда, ни при каких обстоятельствах не допустить ничего подобного.

Громкий резонанс после бандитской вылазки имел место и на сопредельной территории. Переполошившиеся руководители иранской жандармерии, ранее упорно «не замечавшие» противоправных действий антибольшевистских групп, даже подготовили ноту с официальным протестом, намереваясь передать ее по дипломатическим каналам в Москву. Однако, поразмыслив, от этой затеи все же отказались. Логика проста: уж лучше бандитам с обеих сторон не потворство-

вать. Граница ведь не только разъединяет, но и объединяет общностью целей. Законность и порядок на передовом рубеже одинаково важны для всех без исключения соседствующих государств.

С тех пор много воды утекло. От развалин старой заставы почти ничего не осталось. Лишь кроваво-красные маки, пышно цветущие здесь ранней весной, хранят в себе страшную тайну. Они и сейчас напоминают молодым пограничникам, делающим свои первые шаги в службе, о судьбе «вырезанной заставы». О нечаянно вздремнувшем у печки дежурном и утратившем бдительность часовом. Кровавый опыт – шокирующий опыт! Зато он накрепко врезается в память, формирует качества, без которых профессионалом на границе не станешь.

Наступившую паузу, заполненную до краев тягостным молчанием, каждый из нас, без пяти минут лейтенантов, воспринимает по-своему. Я бросаю беглый взгляд на своих одноклассников – Валеру Зуйкова, Володю Некрасова, Гену Мишенина, словоохотливого Шуру Панкратьева и дружелюбного, всегда подтянутого в строевом отношении Володьку Денисова. Каждый мысленно погружен в свое, переваривает ту грань службы, о которой нам прежде не рассказывали.

– М-да, процесс познания бесконечен, – неожиданно не в тему философски замечает явно склонный к научной работе курсант Юра Курносов, захлопывая книжку философа Канта «Критика чистого разума». – Вот сдам экзамен по фило-

софии и – гора с плеч! Считай, к службе готов.

– Кантом, Махом и Авенариусом границу не перекрешь! – упрямо гнет свою линию подполковник Емельяновский, бросая на нас свой выразительный, ироничный взгляд. – Философскими изысками барышень в парке развлекать будете. А сейчас надо сосредоточиться именно на подготовке к экзамену по службе и тактике пограничных войск. Вот уж где философствовать я вам точно не позволю! Спуску не ждите!

Сказал – как отрубил. И зашагал прочь.

В унисон моим воспоминаниям самолет ТУ–154, глубоко вздохнув гулом реактивных двигателей и чуть качнув крыльями, приступил к плавному снижению с высоты около десяти тысяч метров. В бесконечном голубом пространстве белоснежный лайнер казался чудо-птицей, причудливым элементом сказочной «машины времени», ставшей реальностью. Ну разве не удивительно: еще позавчера я купался в Днепре, веселился с друзьями на дискотеке, а уже сегодня, с разницей в несколько часов, окунусь в мир жары, туркменских халатов, тоскливо-однообразных звуков дутара, доносящихся из всех радиоприемников, и скрытых за яркими платками лиц местных барышень в пыльных, стоптаных сандалиях. Запад и Восток, такие непохожие друг на друга, стали географически близкими, но пока еще не родными. Да и станут ли?

Вероятно, почувствовав мое минорное настроение, сло-

воохотливый капитан, явно маясь от скуки, осторожно повернулся спиной к вздремнувшей толстухе-жене, которую он называл не иначе, как Любаша, и едва слышно произнес:

– Первое назначение?

– Первое.

– Ничего, брат, привыкнешь. Не ты первый. Главное – постарайся сразу же осознать: ты сюда надолго. Вполне возможно, до самой пенсии. Так что запомни эти «чудные мгновения». Запомни вкус холодной минералки, комфортный салон самолета с кондиционером, милые женские личики вокруг. Совсем скоро все это превратится в сладостный сон, в иллюзию, миф.

– Ну, зачем же так мрачно, – буркнул я. – Лет пять послужу, а затем рвану в академию. А там, глядишь, перспективы откроются. И место службы найдется послаще. Не всю же жизнь по соседству с пустыней маяться!

– Надежды юношу питают! – криво усмехнулся капитан. – Таких как ты, «оптимистов» – пруд пруди, а академия не резиновая. Захочешь локтями поработать – товарищи офицеры, кто постарше да поопытней, быстро приземлят. Здесь тебе, брат, не Москва, нравы суровые. Да и от горячо любимого личного состава срочной службы только и жди «засады». Глазом моргнуть не успеешь, как схлопочешь взыскание. Уж я-то знаю!

В чем мой сосед-капитан оказался однозначно прав, так это в комфортной среде белоснежного лайнера. С первым же

моим шагом на трап самолета в лицо ударил сухой, раскаленный воздух, хорошо знакомый по финской сауне. Пространство вокруг плотно накрывало густое, чуть колыхающееся марево. Спускаясь вниз по трапу, я невольно обратил внимание на немногочисленную группу встречающих, до последнего прячущихся под ветками акаций и раскидистых чинар с шелушащимися кусочками коры стволами.

В загнанных в бетон арыках лениво журчала проточная вода, неспешно унося пожухлые на солнце, рано опавшие листья. У стоянки такси сгруппировались пять-семь автомобилей с шашечками. Их водители, сидя на корточках, неспешно грызли семечки, сплевывая шелуху прямо себе под ноги. Лениво о чем-то переговаривались. Прислушивались они лишь к объявлениям о прилетающих рейсах. И не потому, что в клиентах был недостаток. Из общей массы прилетевших нужно было безошибочно вычлениить тех, кто оставит чаевых побольше. Молодые, неженатые офицеры всегда были в их числе.

Ашхабад – столица Туркменистана – встречал прибывших авиапассажиров непривычной пустотой прилегающей к аэровокзалу площади, чуть пожухлыми желтыми бархатцами в цветочных клумбах и алыми, немного выцветшими на солнцепеке лозунгами «ССКП – ШОХРАТ!», что в переводе с туркменского означало «Слава КПСС!».

Оглядываясь по сторонам, я немного замешкался.

– Удачи, лейтенант! – бросил мне на прощание капитан

и поспешил со своей Любашей к стоянке такси. Под тяжестью двух огромных чемоданов он заметно сутулился, семенил шагами и все же, как не знающий усталости туркменский ишак, настойчиво двигался по намеченному маршруту.

«А что? – подумал я. – Вполне вероятно, что эти два огромных баула и жена в придачу как нельзя лучше символизируют и мои „прелести“ предстоящей офицерской службы».

И от этих мыслей мне стало совсем не по себе.

Глава 2

На первом месте – служба

Надо признать, что многие мои опасения оказались напрасными, а первые впечатления весьма неточными. Едва попав в управление Среднеазиатского пограничного округа КГБ СССР, разместившегося в центре города, в солидном по местным меркам здании по адресу: проспект Свободы, 80, я ощутил себя в вполне дружелюбной, товарищеской обстановке. Нас, прибывающих молодых офицеров – а мне уже встретила довольно многочисленная группа однокашников, после вполне сносного обеда разместили в просторном, охлажденном кондиционерами актовом зале.

Пока кадровики уточняли формальности с документами, согласовывали с каждым состав семьи (число брачующихся в первый офицерский отпуск, как выяснилось, приобрело характер эпидемии), мы приходили в себя, обменивались дежурными шутками и гадали, кого же из нас судьба действительно забросит в приснопамятный Серахс или не менее экзотичный Тахта-Базар.

Прознав о наших страхах, офицер отделения кадров политсостава майор Лев Николаевич Щетинин, широко улыбаясь, лишь развел руками: «И рад бы в этом посодействовать, но вакансий для вас в этих пограничных отрядах нет!»

– Тяготы и лишения офицерской службы должны идти по нарастающей, – пояснил он. – Вот если зарекомендуете себя по службе с наилучшей стороны, тогда и подумаем о вашем переводе в Серахс или еще куда, но уже с повышением. Стимулы должны работать!

О чем умолчал кадровик группы политсостава, так это о том, что перевод на «пляжный» участок государственной границы был предусмотрен не только для перспективных офицеров, но и «пролетчиков», грубо нарушивших требования службы или воинской дисциплины. Причем неоднократно. Эта мера воздействия, безусловно, была не самой страшной, но с воспитательной точки зрения весьма действенной. При этом, если уж быть совсем точным, оступившимся давался шанс начать свою служебную биографию, что называется, с чистого листа.

Нередко это срабатывало. На участках, где труднее всего, офицеры, во-первых, зарабатывали себе удвоенный авторитет, как среди сослуживцев, так и вышестоящего командования. Их действительно уважали и ценили, по принципу «за одного битого, двух небитых дают». А во-вторых, зарекомендовав себя добросовестной службой в крайне тяжелых даже по среднеазиатским меркам климатических и бытовых условиях, офицеры могли на равных рассчитывать как на карьерный рост, так и перевод в другие подразделения с лучшими условиями службы и жизни – по выбору. Но этими подробностями наши неокрепшие офицерские души тогда ни-

кто травмировать не решался.

Пятидневный семинар в управлении округа, как и последующая, под медь нескладного духового оркестра, встреча выпускников училищ в Бахарденском пограничном отряде, куда я (о, счастливец!) и еще четверо молодых офицеров получили назначение, пролетели на удивление быстро. Поток информации об особенностях обстановки на участке границы, наставления и практические советы офицеров командования, политотдела, руководителей отделений штаба и тыла части пролетали мимо наших ушей со свистом, не задерживаясь, как и все новое, тяжело воспринимаемое на слух. Усвоить огромный массив самой разнообразной информации – от последних приказов командования, особенностей организации службы и специфики воинских коллективов до важности работы с населением приграничья, ухода за лошадьми, заготовки сена и работы с комсомольским активом, сержантским составом – без привязки к конкретной заставе было практически невозможно.

Если что и осело в голове, крепко врезалось в память, так это появление начальника разведотдела отряда капитана В. Литвинова. Во время короткого перерыва мы стали свидетелями того, как к штабу части, скрипнув тормозами, подрулили два запыленных УАЗика. Из головного не спеша вышел сухощавый, подтянутый капитан и жестом подозвал к себе дежурного по части старшего лейтенанта А. Сальникова. Из другого автомобиля неожиданно для нас появился закован-

ный в наручники иранец. Он был высокого роста, худощав, в широкой, свободного кроя национальной одежде. На босых ногах – пыльные сандалии. Иссиня-черные, с легкой проседью, волосы на голове растрепаны. Взгляд – испуган, растерян. Задержанный то и дело жалобным тоном о чем-то сыпал скороговоркой на непонятном нам языке, будто оправдывался. Однако все его сетования оставались без внимания.

В окружении трех крепких солдат-караульных иранца направили в камеру предварительного задержания. Ну а капитан Литвинов поспешил вместе с нами в зал совещаний, где ему предстояло ввести нас в курс дел, касающихся сопредельной стороны.

– Товарищ капитан, неужели нарушителя границы задержали? – поинтересовался мой однокашник Валера Роман.

– Да, поэтому не будем терять время, – отозвался спокойным, почти равнодушным тоном Литвинов. – На ближайшие несколько дней мне и так дел предстоит невпроворот.

– Но почему он так напуган? – не унимались мы.

– Потому что жандармы регулярно запугивают население приграничных аулов, распускают о нас всякие небылицы. Чуть ли не пытками и жестокими расправами страшат тех, кто попадет «в лапы» советских пограничников. Страх неминуемого наказания – основа их идеологии в работе с бесправным, в подавляющем большинстве неграмотным населением. Кстати, в выборе методов физического воздействия они себя также не ограничивают. Наказание розгами, а

то и палками – обычная практика воспитания строптивых и непонятливых... Ничего страшного. Накормим задержанного, успокоим, пообщаемся. Все будет нормально, – произнес капитан, и деловито подошел к карте.

Спустя пятьдесят минут мы уже хорошо представляли себе сопредельную сторону: нравы и обычаи, образ жизни иранцев; их беспросветную бедность и тяжелый труд от зари до зари; систему контроля за государственной границей; место расположения погранпредставительского дома, где ведутся все официальные переговоры, и многое другое. Особое внимание в разговоре было уделено деятельности жандармерии и органов безопасности САВАК, рекомендациям по линии нашего поведения на государственной границе, в том числе при встрече с представителями погранохраны сопредельной стороны.

Интересным и содержательным стало погружение в детали закрытого характера, поскольку напротив участка пограничного отряда время от времени активно действовали американские кураторы местных спецслужб и жандармерии. Они тщательно изучали малейшие изменения с нашей стороны на государственной границе, фиксировали появление новых офицеров, анализировали действия пограничников по команде «Застава, в ружье!», при проведении пограничных поисков. Немало внимания уделяли работе с местным населением, особенно в плане добывания важной оперативной информации.

Рассказ капитана Литвинова, подкрепленный примерами из реальной практики, на многое открыл нам глаза. Как выяснилось, охрана границы со стороны Ирана осуществлялась преимущественно пешими парными нарядами. Иногда одиночными выездами с проверкой участков на японских мотоциклах «Хонда». Редко – в конном строю. Высокопоставленные жандармы, взаимодействуя с армейскими чинами, предпочитали объезжать участки и проверять погранзнаки на американских открытых «Доджах» повышенной проходимости.

Жандармов с погранпоста «Ашрафталь» наши офицеры хорошо знали в лицо. Впрочем, как и они нас. При встрече неизменно следовал обмен воинскими приветствиями, но и только. В разговоры никто не вступал. Это было запрещено. Переговоры и обсуждение служебных вопросов, будь то чрезвычайные ситуации или задержание нарушителей границы, «хозбытовиков» или контрабандистов, – прерогатива специально назначенных для этих целей должностных лиц.

– Помню, в конце марта представители жандармерии выехали к Сумбару уже поздним вечером, – рассказал капитан В. Литвинов. – Светили фонарями. Сверяли с картой прохождение реки, фиксировали изменения рельефа местности, вызванного грозowymi дождями и недавним прохождением мощного селевого потока. А утром следующего дня наш пограннаряд доложил о поднятом иранцами в условном месте флаге. Это был специальный сигнал с предложением об офи-

циальной встрече.

Общение с помощником погранкомиссара Ирана прошло в конструктивном ключе. Все вопросы решили в рабочем порядке, хотя на одном из участков наши бульдозеристы, устраняя последствия селя, чуть было не накосячили, задели кусок сопредельной территории. Совместный выход на участок позволил на месте устранить все «шероховатости». Обменявшись рукопожатиями, мы завершили деловую встречу, как всегда, в духе добрососедства.

Состоявшийся с начальником разведотдела пограничного отряда разговор оказался весьма полезным и содержательным. Не в пример очередной паре часов нудных лекций по теории и практике ведения войскового хозяйства, сохранности вооружения и специальной техники. К концу занятий, утомленные жарой и общей усталостью мы откровенно клевали носами и мечтали только об одном – поскорее добраться до офицерской гостиницы.

Полковник Владлен Черняев

Финальный аккорд в длинном перечне запланированных мероприятий принадлежал командиру. Бросив пристальный взгляд на притихшую аудиторию, он ободряюще улыбнулся.

– Да вы не волнуйтесь, – пробасил приглушенным, с хрипотцой, голосом полковник Владлен Андреевич Черняев. –

Не боги горшки обжигают! А чтобы по-настоящему прочувствовать доверенный каждому из вас участок государственной границы, его нужно для начала протопать на своих двоих. И не однажды.

Не стесняйтесь задавать вопросы и учиться. В том числе у солдат-срочников, сержантов и прапорщиков. Нарбатывайте опыт, вживайтесь в коллектив и помните, что авторитет в придачу к дипломам и офицерским погонам никто не выдаст. Его надо сначала заработать, а затем подтверждать каждодневным трудом, поступками, взвешенными решениями.

Немного смущаясь от пафоса произнесенных слов, явно не свойственных командирскому стилю общения, полковник Черняев на миг задумался и добавил:

– В любом деле, потоке информации важно научиться вычленять главное. Для вас это самое главное заключается в осознании простого правила: пока на ваших плечах погоны, вы несете персональную ответственность за надежную охрану порученного участка государственной границы. Служба для вас всегда должна быть на первом месте. Занятия, тренировки, стрельбы и даже личная жизнь, да простят меня коллеги по службе и ваши юные жены, – второстепенны. Именно способность надежно закрыть границу определяет степень вашего профессионализма. Вот и выстраивайте приоритеты!

И еще. Всегда живите по правилам офицерской чести. Ни на шаг не отступайте от них. И у вас все получится.

Седовласый полковник знал, о чем говорил.

Он крепко пожал каждому из нас руку, коротко бросив на прощание: «Удачи!»

В следующий раз командирского рукопожатия я буду удостоен лишь через два с половиной года, получая свою первую грамоту за успехи в службе.

Глава 3

Сермяжная правда майора Подолякина

Ровно в пять тридцать утра, что называется, «с петухами», в комнату отрядной приежки, чуть шаркая подкованными сапогами, зашел дежурный по части капитан Ата Гашаев. Как всякий родившийся и воспитанный на восточных традициях человек, он даже в неурочный час старался быть подчеркнуто доброжелательным и участливым. Для капитана такая манера общения была характерна еще и потому, что он был не просто отрядным офицером, служакой, а главным отрядным... стоматологом. Молва о нем как о рекордсмене по удаленным зубам, вполне возможно, была преувеличена, но допотопная бормашина, работавшая на ножной тяге, с которой Гашаев разъезжал по пограничным заставам для лечения всех нуждающихся, была чистой правдой.

Заглянув однажды в бытовую комнату, где разместился офицер-стоматолог, я с фотографической точностью запечатлел в памяти сидящего на крепком табурете перепуганного солдата. Его широко открытый рот и выпученные глаза, полные обреченности и ужаса, говорили сами за себя. В такой ситуации любой бы струхнул. Своеобразной «палочкой-выручалочкой» для изнывающих от зубной боли паци-

ентов были спокойствие и уверенность в действиях Аты Гашаева.

Приглушенным, умиротворенно-воркующим голосом, с шутками и прибаутками он живо рассуждал на самые разные пустяшные темы, отвлекая страждущего от боли и страха бойца. При этом капитан не забывал весьма энергично работать начищенным до зеркального блеска сапогом сорок третьего размера, дабы придать максимальное ускорение ремням бормашины и безостановочно сверлить больной зуб. Когда же на несколько секунд этот жуткий, посвистывающий звук умолкал, Гашаев старательно доводил до нужной консистенции замазку для пломбы, «паковал» кариес и уже под занавес процедуры участливо интересовался: «Нигде не жмет, может подправим?» Желающих продлить сеанс с мастером-универсалом, как правило, не находилось!

Вспыхнувшая под потолком яркая лампочка гостиничного номера, потревожив рой недобитых нами накануне мух, никак не смутила глубокий лейтенантский сон.

– Товарищи офицеры, подъем! – совмещая нотки требовательности и сочувствия, произнес дежурный, тормоша некоторых лейтенантов за плечи.

Впечатление – как будто не ложились. Только и помню: трижды за ночь мы поочередно бегали под холодный душ, смачивали простыни, поглощали стаканами теплую воду из графина – бесполезно! Всепроникающая жара, потное липкое тело, духота не оставляли никаких шансов на скорый

сон. Чертова пустыня, раскаленное дыхание которой ощущалась каждой клеточкой организма, похоже, испытывала нас на прочность. В бездну сна, точнее, какое-то полузабытье мы провалились лишь после двух часов ночи. А тут – что за ранний подъем?

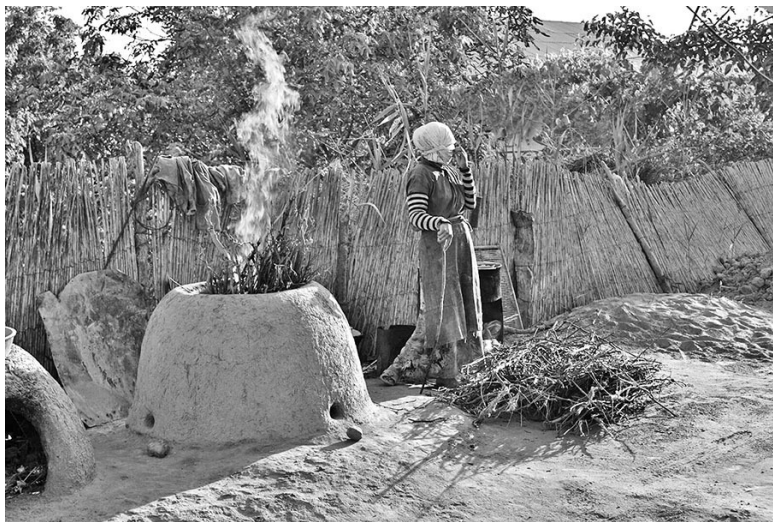
Поспешный сбор, чисто символический перекус в офицерской столовой, и вот мы уже в распоряжении старшего офицера отделения службы штаба части майора Анатолия Васильевича Подолякина. В отличие от нас он выглядел бодрячком. В очередной раз нетерпеливо взглянув на свои новенькие, со светящимся циферблатом, часы «Командирские», он хорошо поставленным командным голосом напомнил: «Шесть минут до отъезда, товарищи офицеры. Едем по утреннему холодку, это ценить надо!»

Всякая поездка из управления отряда на участок границы, как и в обратном направлении, тщательно продумывалась заранее. Экономии бензина, материально-технических и человеческих ресурсов никто не отменял, поэтому мы идем колонной. Выдавший виды УАЗик, куда мы вчетвером погрузились, шел во главе колонны. За нами – ГАЗ–66 с продовольствием и овсом для лошадей, следом – груженный под завязку сеном ЗИЛ–130. Замыкал колонну старенький, сразу после ремонта в «хозяйстве» капитана Ивана Ивановича Тихого ГАЗ–66 с несколькими солдатами, прибывшими из госпиталя, и отпускниками.

Наш путь лежал на правый фланг пограничного отряда,

в Койне-Кесыр, где размещалось управление комендатуры, пограничная застава и одноименный туркменский аул.

– Ну, что, лейтенанты, смотрите, слушайте, запоминайте, – поглядывая на нас с ободряющей улыбкой, произнес майор Подолякин, едва колонна выехала за ворота КПП. Справа по борту взгляд упирался в ничем не примечательный бетонный забор с венчиком жидкой проволоки-«колочки», огораживающий территорию части. Слева – только-только просыпался пэгэтэ (поселок глинобитного типа), он же районный центр, Бахарден.

Незамысловатый быт туркменских семей

В некоторых дворах по холодку жизнь уже бурлила: женщины в длинных, без намека на приталенность национальных платьях и в платках, привычно прикрывающих нижнюю часть подбородка, хозяйничали у тандыров. Разводили огонь, согревали воду в чайниках. Тут же, неподалеку, широко двигая по горизонтали большими желтыми зубами, неспешно пережевывала траву пара двугорбых верблюдов. У загона блеяли барашки. Высокие, с человеческий рост, глинобитные дувалы скрывали большую часть территории, но отнюдь не бедность и однообразный быт многодетных туркменских семей.

– Ассалом-алейкум, яшули! – махнул рукой в окно Подолькин, когда наш УАЗик, подпрыгивая на рельсах, преодолел железнодорожный переезд.

Дедушка-аксакал, с красной повязкой на рукаве выдавшего вида халата, приветливо улыбнулся беззубым ртом и неспешно, как в замедленной съемке, помахал нам в ответ художавой кистью руки. Его взгляд был долгим и вполне дружелюбным.

– Ветеран ДНД (добровольной народной дружины) Дурды Оразкулиев, наш человек, – бросил в салон майор. – Виноград у него – пальчики оближешь! Да и по части бдительности он молодец. Ни одного постороннего с прибывающего пассажирского или грузового поезда не пропустит. Ведь у нас тут пограничная зона, чужих не жалуют.

Железнодорожная станция, как и однокотейка, соединя-

ющая Ашхабад и Красноводск, были местной достопримечательностью. Пару раз в день шумно вздрагивающий, дымящий трубой тепловоз, наполняя округу запахом прогорклой солярки, тащил за собой с десятков пассажирских или грузовых вагонов. Здесь же, параллельно железной дороге, проходила прямая, как по линейке прочерченная, асфальтированная трасса. Движение по ней было незначительным, но аварии случались. Водители, включая военных, расслабленные жарой и однообразием несменяемой до самого горизонта «картинки», иногда за рулем засыпали. Благо отсутствие глубоких кюветов и сравнительно небольшая скорость движения редко доводили до тяжелых последствий.

Спустя тридцать минут езды, притормозив на повороте, наша колонна окончательно распрощалась с ровным асфальтовым полотном и съехала на каменистую, с выбоинами грунтовку.

– На Койне-Кесыр ведут два маршрута, – пояснил майор Подолякин. – Один – сравнительно короткий, через Арчман и Нохур, с традиционным перекурком на самом водоразделе горной вершины, в районе «Белого камня». Мы им пользуемся в весенне-летний период, пока погода и не размывшие селевыми потоками дороги позволяют. Отличительная особенность этого маршрута какая? Правильно, – не дождавшись ответа, продолжает майор, – ухабы. Вместо дорог здесь одни направления: между валунами, крутыми подъемами и спусками, пересохшими руслами родников. Так что к концу

маршрута ваши задницы станут деревянными. Это я вам гарантирую!

– Кстати, – поучительно задирает вверх указательный палец майор, – сразу предупреждаю: если кто из ваших жен вздумает рожать, для них этот маршрут в любом случае не годится. Горные серпантины, бездорожье – всю душу вытрясут!

К счастью, мы пока холостяки и нас эта проблема не касается.

Другой маршрут в Койне-Кесыр был более приятным, хотя и намного продолжительным. Он пролегал через в чем-то схожие с крымскими субтропики Сумбарской долины.

«Субтропики по соседству с раскаленной пустыней, возможно ли такое?» – не верили мы своим ушам. Оказывается, чудеса случаются. Высокогорный Копетдаг двумя своими нисходящими хребтами, подобно заботливым женским рукам, прикрывал этот благословенный уголок земли от горячего дыхания Каракумов, а извилистая речка Сумбар хоть и заметно пересыхала знойным летом, но все же помогала сохранять здесь мягкий и комфортный микроклимат. В его ореоле буйно цвели весной и щедро плодоносили осенью яблони и инжир, абрикосы, персики и алыча, плантации граната, виноградников и арбузов. Каменные дувалы повсеместно прикрывали густые заросли ежевики и шиповника. Они же служили преградой от вездесущих ослов, разгуливающих по аулу без всякого хозяйского присмотра.

В последующем каждый раз проезжая по Сумбарской долине, мы невольно любовались устроенным здесь бытом, тщательно продуманной системой орошения участков, утопающими в зелени частными домами, заботливо ухоженными россыпями плодородной земли. Редкий хозяин не имел тут пары верблюдов, коров или хотя бы вечного трудяги осла – лучшего транспортного средства в горах.

По всему маршруту то и дело встречались кошары с блеющими овцами. Здесь же, неподалеку, ютились приземистые, сложенные из подручных материалов овчарни, рядом с которыми резвились родившиеся всего пару-тройку недель назад шаловливые ягнята. С детской непосредственностью они носились по округе, бодались, куролесили, а подустав, отлеживались, мирно пощипывая зеленую травку, ни о чем не беспокоясь. Их безопасность обеспечивали не столько мальчишки-пастухи, жующие краюху лепешки и отхлебывающие из пиал зеленый чай, сколько огромные сторожевые псы – алабаи. Хищных волков, шакалов и лисиц они чуяли за версту, не оставляя им ни малейшего шанса подкрасться незамеченными.

Алабаи

На высоте здесь всегда была и безопасность жителей. В районном центре Кара-Кала («Кала» в переводе с туркменского – «крепость») дислоцировался штаб одноименного пограничного отряда. Местные жители, вспоминая рассказы своих убежденных сединами аксакалов, любили называть эти места на старый лад «Карры-Кала» («Старая крепость»). Лишь спустя годы название населенного пункта постепенно трансформировалось в Кара-Кала («Черная крепость»), да так и закрепилось на веки вечные.

К концу XIX века здешние места были надежно прикрыты от враждебных вылазок с территории Ирана. Слишком уж тягостные воспоминания оставили о себе работорговля и разорительные набеги. А вот процветавшая пышным цветом контрабанда через границу долго считалась вполне себе обыденным занятием. «Разве торговля с иранскими сородичами преступление?» – удивлялся местный люд, ловча, изворачиваясь и охотно подпитывая взаимную нелегальную торговлю. Искоренить эту дурную привычку пограничникам долго не удавалось. Так и жили, постепенно наводя «революционный порядок». Поначалу этим занимались русские казаки – надежные стражи границ царской империи. После эстафету охраны государственных рубежей подхватили, сменяя друг друга, солдаты-срочники, призываемые из Украины, Молдавии, Сибири, некоторых центральных районов России и Урала. Причем делали это на совесть. Стерegli рубежи Родины как порог отчего дома. Отсюда и уважение, которое ни за какой бакшиш не купишь.

Когда-нибудь время безжалостно сотрет следы крови и пота защитников этих рубежей. Исчезнут, превратясь в пыль веков, камни, на которых кто-то старательно нацарапал штык-ножом свое личное послание потомкам: «Держим границу крепко». И подпись – есаул Голота. «С нами Бог» – казаки Голованов, Чеметьев, Ряшкин, Матузин. Надпись ротмистра Сотникова уже почти нечитаема. Впрочем, как и хорунжего Астахова. Кто они, эти безвестные ныне герои, стра-

жи границ? Мы наверняка никогда не узнаем подробностей их биографий, но, когда присядешь на помеченный автографом камень, коих все еще немало на участке Среднеазиатского пограничного округа, сердце наполняется чувством гордости и уважения. А еще – сопричастности к тому великому делу, которому они служили и которому ныне служим мы, пограничники 70-х.

Примечательно, что солдатский труд всегда высоко ценился местными жителями, а пограничники были желанными гостями в любом доме. В исторической памяти туркмен применительно к русским не сохранился уничижительный термин «завоеватель». Скорее это был брат и добрый наставник, привнесший разрозненным, вечно враждующим между собой кочевым племенам ростки цивилизации, духовности, технического прогресса и всестороннего развития. Брат, который ничего не навязывал, не диктовал свою волю, но с готовностью делил пополам последнюю лепешку чурека. А еще удивлял своим упорством в преодолении трудностей, достижении поставленных целей.

В той же логике складывались отношения пограничников, преимущественно славян, с коренными жителями туркменских аулов, приверженцами ислама. Разгром басмачества в 30-х годах прошлого века, победа русских войск над многочисленными, но слабо обученными бандами местных баев некоторое время саднили сердца воинственной части туркмен. Однако продолжалось это недолго, поскольку не было

питательной почвы для конфликта. Продвигаемые иноверцами лозунги о свободе и справедливости, передаче наделов земли беднейшим дехканам, образовании детей и уважительном отношении к женщине-матери грели сердца подавляющей массы местных жителей, множили число сторонников «победы социализма».

Мне могут возразить: лозунги хороши, но жизнь часто вносит свои коррективы. И далеко не всегда в лучшую сторону. В этой связи уместен вопрос: а что же подпитывало на протяжении свыше полувека взаимные дружеские чувства? Скажу определенно: отнюдь не партийные лозунги и начальственные установки. Дружба пограничников и жителей этих удаленных мест складывалась постепенно, кропотливо, по кирпичику. Каждый из которых состоял из поступков, готовности по первому зову протянуть руку помощи, поделиться последней лепешкой чурека, не колеблясь спасти чью-то жизнь. И, конечно, из духовной близости, общих моральных и нравственных принципов людей, не привыкших держать камень за пазухой. Пограничники всегда говорили то, что думали, не допускали подлости и предательства, умели прощать и ладить, находить выход из общих проблемных ситуаций.

О двух таких случаях, вполне себе будничных, рассказал нам по пути следования майор Подолякин.

– Под гусеницу трактора во время уборки урожая случайно угодил мальчишка лет двенадцати. Сложный перелом но-

ги, большая кровопотеря. Малейшая задержка по времени и – неминуемый летальный исход. Семья в отчаянии! Что предпринять?

На машине заставы, что оказалась поблизости, быстро доставили пострадавшего в больницу, а затем еще и прямое переливание крови произвели, благо группа крови одного из солдат подошла. Новость о «кровной дружбе» пограничников и туркменской семьи тогда молниеносно облетела не только местный аул, но и весь район, была опубликована даже в республиканских СМИ. К счастью, жизнь подростка была спасена. Семья пострадавшего, как и весь приграничный аул, отныне были накрепко, «кровными узами», связаны с пограничниками. И это был только один такой «кирпичик».

В другом случае, совсем недавно, экзамен на высокий профессионализм пришлось держать находящемуся в служебной командировке поблизости от туркменского аула Дайне капитану медицинской службы Сергею Маринину. Внезапные роды у молодой женщины спровоцировало ее нечаянное падение у горного ручья. Большая кровопотеря, угроза жизни ребенку. И снова счет шел на минуты. Эвакуация больной была проведена силами санитарной авиации. При этом наш военный врач до последней минуты не отходил от больной, сделал все, чтобы она поправилась, стала счастливой мамой. Разве такое забудешь!

Но чаще всего на характер взаимоотношений влияли ситуации чисто будничного, прозаичного характера. Скажем,

местный колхоз при случае всегда выручал пограничников сеном, соляркой, тракторами для вспашки контрольно-следовой полосы, запчастями для машин. Никто не говорил вслух, но все понимали: не о себе хлопочут пограничники, о нуждах надежной охраны государственной границы страны пекутся. Именно осознание важности общего дела, взаимное бескорыстие были той цементирующей основой, которая сплачивала воинов в зеленых фуражках и жителей приграничья, придавали их взаимоотношениям особую ценность.

Урывки встреч с нохурлинцами, а также опытными пограничниками то и дело приходили мне на память, пока наша колонна с черепашьей скоростью, не более 5–7 километров в час, медленно ползла по намеченному маршруту.

Майор Подолякин деликатно помалкивал. Он давно обратил внимание на провалившихся в утреннюю дрему молодых лейтенантов, вырвать из которой их не могли самые крутые раскачивания УАЗика и резкие скачки на ухабах. По неписаным правилам старший машины даже слегка вздремнуть права не имел. И дело здесь не столько в уставных требованиях, сколько в жизненном опыте. Поглядывая на спящего старшего машины, тут же начинал клевать носом водитель. А это уже опасно! Тут под угрозой жизни всех попутчиков.

– Тормозни-ка вон у того ручья, – приказал Подолякин водителю.

Минутная остановка. Умылись ледяной водой, размялись – и снова в путь.

Сопят лейтенанты. Поглядывая на них, майор о чем-то задумался. Как выяснилось, о том, как сам когда-то, получив приказ, добирался на свою первую пограничную заставу Тагарёво. Самую трудную, высокогорную, зимой просто недоступную в силу суровых климатических условий. Следовавшая с ним молодая жена, невысокого росточка, совсем хрупкая симпатичная девушка, которую Подолякин неизменно называл «мой Галчонок», наверняка испытывала ужас от нависающих горных скал и обрывов, узкой, извилистой дороги, ведущей, казалось, к воротам самого ада.

На границе полно непредвиденных ситуаций. Вот и в этот раз случилось так, что старенький автомобиль заглох у самого подножия горного хребта и добираться далее к месту службы молодой семье пришлось в конном строю. Хорошо кобылу для жены молодого офицера солдаты подобрали смирную, с ленцой. Своего же коня он тогда едва сдерживал, не особенно беспокоя шенкелями, притормаживая натянутыми поводьями. Как умелый кавалерист, получивший превосходную выучку в Алма-Атинском погранучилище, Подолякин прекрасно знал: если один конь выходит из-под контроля и срывается в галоп, остальные понесутся за ним с той же резвостью и неукротимостью. Ахнуть не успеешь, как шею свернешь!

Почти двенадцать километров по грунтовой извилистой дороге вверх, через заросшие травой и можжевельником распадки, нагромождения камней и глины, принесенных се-

левыми потоками. Эти суровые километры стали тогда первым серьезным экзаменом для молодой пограничной семьи. Ничего, добрались. Обжились, не спасовали перед трудностями! Ну, а уж застава, особенно жены начальника заставы, замбоя и старшины, расстарались от всей души: полевые цветы, образцовый порядок в выделенной квартире, праздничный обед с пельменями собственного приготовления и даже компот из сухофруктов. От бывлой опаски лейтенанта Подолякина и его Галчонка тогда не осталось и следа!

Женщины Тагарёво – ментально те же декабристки!

В последующем, в очередную годовщину начала службы,

Подолякины частенько седлали лошадей и, прихватив вина, яблок, инжира и сладкого винограда, выезжали на пикник в тыл участка своей заставы, к небольшому, искрящемуся кристально-чистой водой роднику. Их роднику! Окружающая тишина, выразительный перезвон птиц, плескающаяся в прозрачной воде небольшого озерца мелкая рыбешка создавали неповторимую атмосферу единения с природой, нежности чувств, красоты и романтики отношений, которую хотя бы на пару часов не мог потревожить никто.

Бросив укоризненный взгляд на беззаботно посапывающих молодых офицеров, Подолякин повернулся ко мне и повел неспешный рассказ о том, как, едва прибыв на заставу Тагарёво, он тут же попал... «под раздачу».

– Через три недели нам предстоит инспекторская проверка. Проводит группа офицеров управления отряда и пограничного округа – озадачил меня тогда без особых предисловий начальник заставы. Проверяющие «лютуют», на служебную нагрузку скидок не делают. Многим солдатам ставят тройки и даже «неуды».

«Короче, – притормозил сам себя НЗ. – Слабое звено у нас – огневая подготовка, особенно стрельбы в ночных условиях, и марш-бросок на шесть километров с полной боевой выкладкой. Ну, или кросс на три километра. Это уж как проверяющие решат. Первое я беру на себя, ну а кросс, дружище, за тобой. Небось после училища навыки не растерял?» – хохотнул тогда начальник заставы.

С ретивостью молодого офицера я взялся за дело. Кроссы и марш-броски через день следовали один за другим. Многие из них я проводил лично, задавая нужный темп на дистанции. Как-никак перворазрядник! – войдя в азарт, рассказывал Подолякин. – В училище я часто тянул за собой учебную группу, подхватывал у отстающих курсантов автоматы или пулеметы, ведь время на финише дистанции фиксировалось по последнему.

Как ни старался, но мои заставские «орлы» до выполнения нормативов никак не дотягивали. Особенно тормозили четверо «дембелей», срок окончания службы которых неумолимо приближался. Серьезных причин, чтобы «рвать жилы», у них явно не было.

В один из дней, как назло, случилось так, что всю ночь мне пришлось мотаться по сработкам сигнальной системы, отдавать приказы на службу пограннарядам. А с утра понеслись вводные из отряда. Срочными поручениями по самое «не могу» загрузили офицеры штаба и тыла. Ясное дело – глаз не сомкнул. Устал как собака!

А в 17 часов, как водится, в дверь канцелярии постучал дежурный по заставе сержант Корниенко, призывавшийся из Ворошиловградской области. Доложив о построении заставы на кросс, он уже перед строем произнес:

«Так шо, товаришу лейтенант, вы ж не спамши. Може треба вам видпочиты? А кросс – ну его к бису, на завтра перенесем...»

«У меня-то силы найдутся, а вот вы, слабаки, когда норматив выполнять научитесь? Моя жена быстрее вас всех бежит!» – выпалил я в сердцах.

«Ваша жена?» – загудел строй.

«А давайте на спор, товарищ лейтенант, – поймал меня на слове ефрейтор Мовчан. – Если ваша жена хотя бы последнего на кроссе солдата обгонит, мы на инспекторской проверке сдохнем на дистанции, а норматив выполним. А если нет, я и еще двое моих земляков поедем в отпуск. Как вам такое предложение? – не унимался он. – Слово офицера для вас что-нибудь значит или нет?»

Эмоции накалялись. Мои солдатики вошли в спортивный раж и уже предвкушали легкую добычу. Как ловко, дескать, они провели молодого летёху!

«Согласен», – огласил я, наконец, заставе свой вердикт. И мы в присутствии всего личного состава ударили с ефрейтором по рукам.

А потом был кросс на три километра, на котором моя жена вначале бежала где-то в конце группы, подбадряя отстающих, а на финишной прямой без особых усилий обогнала первого, самого спортивного пограничника заставы. Причем метров этак на тридцать. И все это она проделала с такой легкостью, что у моих парней глаза от удивления округлились.

«Как такое могло случиться? – недоумевали мои парни. – Ну, как?! Худенькая, хрупкая, в полтора метра росточком женщина всю заставу на кроссе сделала!» Конфуз вышел

грандиозный! Всю ближайшую неделю только об этом и говорили.

Уже после инспекторской проверки и вполне успешного забега личного состава заставы, включая моих дембелей, я признался: «Моя жена – мастер спорта по легкой атлетике, серебряный призер чемпионата России по бегу на десять километров!»

Мастер на все руки сержант Лазарев.

Когда народ малость пришел в себя после моих слов, я предложил: «Ну что, бойцы, может устроим соревнования на перекладине или брусках? Моя жена горит желанием пока-

зять вам мастер-класс».

Желающих соревноваться в этот раз не нашлось. Зато интерес к спорту на заставе вырос многократно. Почти все свободное время мои погранцы стали проводить в «качалке», на волейбольной площадке, гимнастическом городке. Половина – бросила курить и бесцельно вылеживаться в выходные дни в кроватях. Спорт стал тем инструментом, который буквально преобразил заставу, укрепил ее морально-боевой дух.

– М-да, было дело! – довольно крикнул майор Подолякин, окончательно стряхивая нахлынувшие воспоминания.

* * *

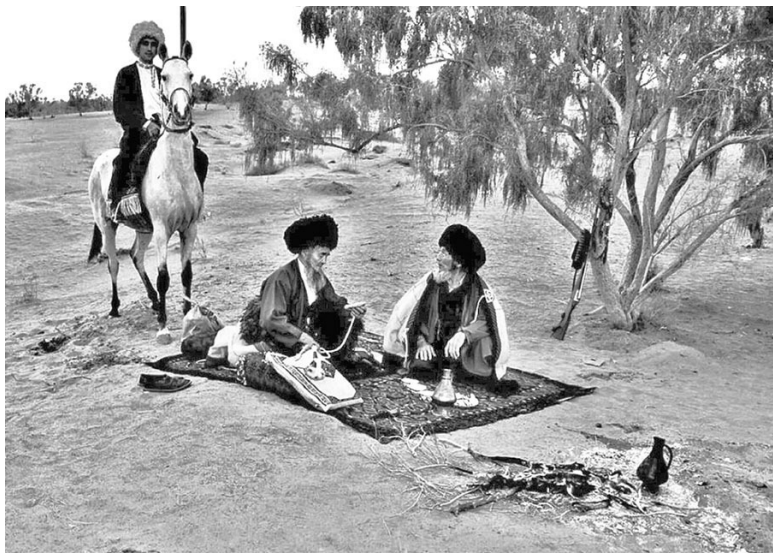
...На подъезде к Нохуру машину резко бросило из стороны в сторону, и мои однокашники, больно ударившись о сидения спереди, наконец-то проснулись.

– Товарищ майор, разрешите долить воду в радиатор? – спросил водитель, подъезжая к роднику. – Что-то опять движок греется...

– Перекур, – громко объявил Подолякин, покидая машину. – Все за мной, познакомимся с местными жителями!

Прикладывая на восточный манер правую ладонь к сердцу, мы приветливо поздоровались с почтенными белобородыми аксакалами, а затем мужчинами помоложе, принимая из их гостеприимных рук пиалы с кристально чистой ледя-

ной водой. В глаза невольно бросились рыжие и блондинистые туркмены. Да и среди окружавшей нас детворы рыжих «светлячков» было более чем предостаточно. «Чудеса генетики или последствия набегов завоевателей?» – задумались мы.

Аксакалы и молодежь всегда начеку!

Пока майор Подолякин общался с аксакалами, пересыпая русскую речь словосочетаниями на туркменском, мы с любопытством оглядывались по сторонам, оценивали каменные дома нохурлинцев с их самобытной архитектурой. Разбро-

санные широким жестом по всему горному плато, они были густо увиты зелеными виноградниками, обсажены миндальными и гранатовыми деревьями. Некоторые крупные плоды на них уже потрескались, обнажив зернистую, рубинового цвета сердцевину. Шумная ребятня искоса поглядывала на созревшие плоды, но приближаться к ним не рисковала. В эту пору мальчишки лакомились в основном крупными ягодами спелой ежевики, царапая пальцы, стараясь добраться до самой середины куста.

Плодородной земли в ауле было немного. Часто ее добывали вручную из грязевых потоков, приносимых очередным селем. Тем удивительнее казались плоды рук человеческих: ухоженность территории, продуманность системы водоотведения и озеленения. Огромные валуны – и те как-то приспособивались к месту: где становились частью каменного забора, а где – местом для сушки белья.

– Ну, как впечатления? – подошел к нам Анатолий Васильевич и, жестом притормозив наши вопросы, голосом опытного экскурсовода произнес: – Мы с вами сейчас находимся на горном плато западной части Копетдагского хребта. Высота – примерно 1200 метров над уровнем моря. Нохур, между прочим, аул необычный. Природа здесь уникальная по своей красоте. Округлое горное плато, где разместились дома нохурлинцев, отвесные скалы – это еще не все. Здесь неподалеку находится самая высокая точка Копет-Дага под названием «Учкуи» (три колодца), а еще водопад Хур-Хуры, высо-

той около 50 метров. А вон там, в горной расщелине, – показал Подолякин, – есть пещера. Родники и горные ключи не иссякают здесь ни зимой, ни летом. Их-то и используют нохурлинцы в целях орошения своих участков.

– Ну, а что это за чудо природы – рыжие и светловолосые туркмены, я сроду таких не видел? – не удержался с вопросом Виктор Курбатов.

– Я не раз пил чай с нохурлинцами, организовывая с ними взаимодействие...

– Наверное, не только чай? – вклинил кто-то шутивную реплику со стороны.

– А вот и нет, – оживился майор, решив подкрепить свои слова конкретным примером. – Однажды при завозе продуктов питания сюда ошибочно доставили целую бочку пива. Настоящего «Жигулевского»! Сваренного по всем правилам ГОСТа. Случись это где-то в другом туркменском ауле, ее бы распродали за пару часов. В Нохуре же бочка простояла нетронутой целых две недели, после чего незадачливый продавец перевез дефицитный товар в другой магазин, в Дайне. Спиртное, включая пиво, в Нохуре никогда не было в почете.

Нохурлинцы, компактно проживающие в ауле Нохур, а также в Большом и Малом Койне-Кесыре, Чокур-Юрте, считают себя самыми правильными туркменами, потомками Александра Македонского. По одной из легенд, полководец, возвращаясь после неудачного военного похода на юг, оставил в этих местах группу раненых воинов-греков и римлян.

Со временем, выздоровев, те стали активно заниматься охотой, скотоводством, земледелием. Укореняясь в этих местах, они предпринимали регулярные набеги на соседей, где похищали молодых девушек – будущих жен, отвоевывали наделы плодородной земли. Постепенно бледнолицые чужестранцы положили начало роду нохурлинцев и основали большой аул Нохур. Отсюда – рыжие и белокурые туркменчата, блондинистые мужчины и женщины, гены которых то и дело напоминали о своих древних пращурах.

– Кстати, – понизил голос Подолякин, – расскажу вам строго по секрету. Однажды, уже в наши дни, потомков нохурлинцев за их разбойные набеги на соплеменников и похищения молодых дев все же настигло жестокое отмщение. В ауле Нохур, по заведенной традиции, использовали труд только ишаков. Они неприхотливы в еде и уходе, при этом очень выносливы и трудолюбивы. Так вот, проезжая как-то поздним вечером через Нохур, шутники из аула Дайне, где компактно проживали в основном текинцы, оставили в «подарок» своим обидчикам... молодую ишачку.

То, что последовало затем, сложно описать словами. Местные ишаки буквально взбесились. Они подняли в ауле такой переполох, разрушили столько загонов – не пересчитать! Понесенный ущерб был сравним разве что с землетрясением!

– Но это секрет! – загоготал во весь голос майор Подолякин. – Лучше нохурлинцам об этом случае не напоминать!

А вообще местные жители тщательно берегут традиции и обычаи своих предков. Очень трудолюбивы, доброжелательны, открыты для общения, но при этом всегда на страже семейных и нравственных ценностей. Скажем, своих жен и подростков-девочек они до сих пор не пускают в кино. Не жалуют они и женщин или девушек со стороны. Были несколько случаев, когда парни из этих мест во время срочной службы в армии знакомились с девушками из центральных регионов России, даже брали их в жены. Издевкам и холодному неприятию по отношению к ним со стороны жителей аула не было конца. И жены-славянки, не выдержав морального прессинга, вынуждены были покинуть эти места, уезжать к себе на родину, несмотря на решительные возражения мужей.

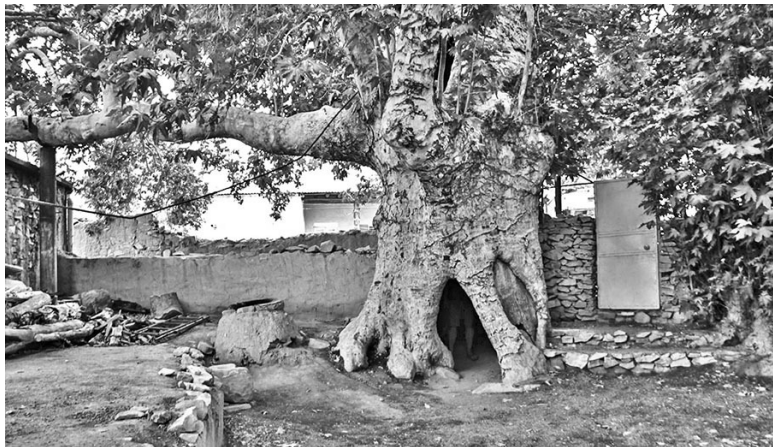
Не менее популярна здесь и другая легенда. По преданию, именно в этих местах, в горных отрогах Копет-Дага, после утомительного сорокадневного плавания причалил ковчег библейского пророка Ноя. Помните, «каждой твари по паре»? Щедрой рукой Ной отсыпал нохурлинцам зерен пшеницы, цветов, саженцев миндаля, винограда, грецких орехов, выпустил на волю множество птиц и животных. Если подняться выше, на высоту 1600 метров над уровнем моря, можно увидеть возделанные нохурлинцами поля, где произрастает немало культурных растений, отличающихся высокой урожайностью. Словом, народ здесь самобытный, ничего не скажешь!

– А пограничников они воспринимают тоже как чужаков или терпимо? – поинтересовался мой земляк лейтенант Валера Роман.

Затянувшись сигаретой, Подолякин не спешил с ответом.

– Нам с ними детей не крестить. Тут главное другое. Нохурлинцы – люди слова, наши надежные друзья. Они прикрывают тыловые подступы к границе. Не было случая, чтобы на этом участке местности появился кто-то из посторонних, без пропуска в пограничную зону, и прошел в сторону границы никем не остановленный. Отсутствие «зеленых фуражек» отнюдь не означает, что участок неконтролируем. Наше наблюдение за обстановкой осуществляется глазами простых водителей и чабанов, колхозного сторожа в саду или обычного поливальщика огорода, дедушки-аксакала, отдыхающего возле арыка, или неугомонной детворы, школьников, да мало ли! На этот счет мы с ними как братья. Одно дело делаем!

Сфотографировавшись на память рядом с огромной чинарой, пустившей здесь свои корни пару сотен лет назад, мы наконец двинулись в путь. Радиатор остыл. Остыли и мы, все еще не веря своему счастью. Оказывается, Туркмения – это не только безжизненные пески и потрескавшиеся от безводья такыры, напоминающие с высоты птичьего полета грубый черепаший панцирь. «Имеющий глаза да увидит!» – хитро прищурясь, произнес Анатолий Васильевич, приглашая нас жестом к машинам.

Нохурлинский чинар

Натужно ревя моторами и раскачиваясь на ухабах, колонна двинулась в путь, по направлению к все еще неведомой нам границе.

* * *

Остаток пути мы провели в неспешном общении. Тягуче длинная, монотонная дорога, скрашенная стараниями интересного, вдумчивого собеседника, к этому невольно располагала. Майор Анатолий Васильевич Подолякин был именно из таких: с тонким юмором, наблюдательный, посвященный

во все тонкости пограничной службы, легко переходящий с командного тона на товарищеский, даже отцовский. При этом – ни намек на занудство, высокомерие, всезнайство. Не случайно мы в оба уха впитывали в себя его поучительные рассказы, массу полезной информации, основанной на реальных фактах и событиях службы. Временами наш УА-Зик буквально вздрагивал от оглушительного хохота, при котором даже водила-второгодник был вынужден притормаживать и, прыская от неудержимого смеха, склоняться лицом к рулю.

«Как же удивительно могут раскрываться люди в неофициальной обстановке», – невольно подумал я, вспоминая нашу первую встречу у офицерской приежки. Тогда, по первому впечатлению, перед нами предстал типичный майор-служака: под два метра ростом, с крепкими ручищами, в старательно отутюженной, хотя и порядком выцветшей офицерской рубашке цвета хаки. Он был гладко выбрит и расточал густой запах «Шипра». Поначалу строгий и официальный, в обращении только на «вы» и «товарищ лейтенант», он буквально подчеркивал окружающим свой высокий статус старшего офицера штаба пограничного отряда. Здесь же, украшенный басовитым хохотком, перед нами солировал колоритный персонаж шукшинских рассказов. К сожалению, не познанный и не описанный великим мастером.

За остаток пути мы узнали от майора Подолякина больше, чем от всех «лекторов» управления погранотряда, вводив-

ших в обстановку молодых офицеров. Как оказалось, Бахарденский пограничный отряд – важное звено в системе охраны государственной границы в масштабах всего округа. Его участок, в силу транспортной доступности – рядом железная дорога и аэропорт, – довольно часто испытывают на прочность нарушители границы. Со стороны Ирана – контрабандисты, хозбытовики и невинные, на первый взгляд, пастухи, тщательно проинструктированные службой безопасности САВАК. С нашей стороны – психически неуравновешенные чудаки, в поисках «свободы» и лучших условий жизни, а иногда и уголовники-рецидивисты.

За успехи в службе отряд много раз признавался лучшим в войсках пограничного округа, удостоивался почетных наград. В конце шестидесятых – начале семидесятых годов занимал первое место в пограничных войсках страны по количеству используемого конского состава. На погранзаставах Яблоновка и Каранки численность лошадей порой доходила до 70 голов. Многие заставы были полностью кавалерийскими, а на оставшихся сформированы кавалерийские отделения.

Насыщать пограничные части современными автомобилями, адаптированными для выполнения служебно-боевых задач в условиях бездорожья – легковыми ГАЗ–69 (для доставки тревожных групп) и грузовыми внедорожниками ГАЗ–66, прожекторными станциями на базе грузового ЗИЛ–130, стали лишь после боестолкновений на острове Даман-

ский, советско-китайского участка государственной границы. Пролитая пограничниками кровь притянула тогда всеобщее внимание к вопросам безопасности передовых рубежей страны. Словом, когда «гром грянул», советское правительство тут же изыскало необходимые финансовые, оргштатные и материально-технические ресурсы для решения возникших острых проблем.

После печально известного хрущевского указа под кодовым названием «миллион двести» (по числу одномоментно сокращенных военнослужащих Вооруженных сил СССР) это был вполне разумный шаг в сторону укрепления частей и подразделений, занятых не учебной практикой, а именно боевой работой, охраной государственной границы.

Двадцать три заставы, три пограничные комендатуры, три заставы отрядного подчинения, прикрывающие направление вероятного движения нарушителей границы. Плюс КПП «Гаудан», подразделения гарнизона: комендантская и автороты, рота связи, объединенная ремонтно-техническая мастерская, спецсвязь, небольшие по численности тыловые подразделения и, конечно же, гарнизонная гауптвахта. Стандартный и самодостаточный вариант войсковой части, призванной успешно решать поставленные перед нею служебно-боевые задачи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.